

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-2.19>

Стихина Ирина Александровна

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ МАРКЕРЫ ИДИОСТИЛЯ УРСА ВИДМЕРА

Статья раскрывает содержание междисциплинарного понятия "идиостиль", которое активно дискутируется в лингвистике и литературоведении. Рассматривая идиостиль Урса Видмера, автор на примере одного рассказа анализирует маркеры, характерные для постмодернистских текстов. Аналогичные маркеры выявляются в ряде других произведений писателя. Внимание также акцентируется на взаимосвязи речевых и содержательных особенностей произведения, последние раскрываются на примере анализируемого рассказа с использованием литературоведческого подхода. Синтез взаимосвязанных лингвопоэтического и литературоведческого методов представлен, таким образом, оптимальным вариантом в исследовании идиостиля писателя.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/6-2/19.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 6(84). Ч. 2. С. 296-299. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

TRADITIONS OF ORIENTAL LITERATURE IN THE WORKS OF N. SHELEBI

Sofronova Irina Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
I. N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary
muxtar2@yandex.ru

The article studies the traditions of oriental literature, typical of the creativity of the Chuvash poet N. I. Polorussov-Shelebi. The material for the analysis is the poet's literary works written at the beginning of the XX century. In the course of the research, structural and typological methods are applied. The images of a bird and a snake used by the poet are an echo of Sumerian mythology. He could get acquainted with them through books published in the Tatar language. Poems about the history of the Volga Bulgaria, the history of the Huns are built by the stringing method. The poet uses consonant cognates in the depiction of the rich peaceful life of the Bulgarians, scenes of trading in the Tsvilsk Fair. Many publicistic poems are poetic retelling of events, description of environment. The reconstruction of the image of the Volga Bulgaria, its idealization, comparison of the modern reality with the glorious past of the Chuvash people is an echo of the influence of oriental literature.

Key words and phrases: poem; folklore; influence; oriental traditions; N. Shelebi; legend; motive; plot; stringing.

УДК 82

Дата поступления рукописи: 04.04.2018

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2018-6-2.19>

Статья раскрывает содержание междисциплинарного понятия «идиостиль», которое активно дискутируется в лингвистике и литературоведении. Рассматривая идиостиль Урса Видмера, автор на примере одного рассказа анализирует маркеры, характерные для постмодернистских текстов. Аналогичные маркеры выявляются в ряде других произведений писателя. Внимание также акцентируется на взаимосвязи речевых и содержательных особенностей произведения, последние раскрываются на примере анализируемого рассказа с использованием литературоведческого подхода. Синтез взаимосвязанных лингвопоэтического и литературоведческого методов представлен, таким образом, оптимальным вариантом в исследовании идиостиля писателя.

Ключевые слова и фразы: идиостиль; Урс Видмер; маркеры; постмодернистский текст; лингвопоэтика; литературоведение.

Стихина Ирина Александровна

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург
aniris.irina@yandex.ru

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ МАРКЕРЫ ИДИОСТИЛЯ УРСА ВИДМЕРА

Стиль как проявление индивидуальности писателя получил собственное обозначение – «идиостиль». Впервые в отечественной науке изучением проблемы индивидуального стиля в 60-е годы начал заниматься лингвист и литературовед В. В. Виноградов. Он предложил рассматривать «индивидуальные художественные системы с учетом исторического, биографического, идеологического, социального и эстетического контекстов» [Цит. по: 4, с. 20]. По В. В. Виноградову, автор не только создаёт художественное произведение, но и является «движущей силой, действенным фактором в истории творчества культурных ценностей, важных для его нации и даже для всего мира» [Цит. по: Там же]. Исследователь наметил основные направления изучения индивидуального стиля, которые впоследствии развивались другими учёными. Появляется термин «идиостиль», отделяющий «стиль как историческую категорию искусствоведения и культурологии от “стиля” как категории, раскрывающей индивидуально-авторские особенности воплощения художественной идеи» [Цит. по: Там же, с. 28]. Стиль по отношению к идиостилю является, таким образом, родовым понятием и, по Б. И. Кононеко, рассматривается как «некая общность системы средств художественной выразительности, творческих приёмов, обусловленная единством идейного содержания» [Цит. по: Там же, с. 6].

Само понятие «идиостиль» возникло во второй половине XX столетия в рамках лингвистической поэтики. Приведём распространённое определение: «Идиостиль – это система содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям определенного автора, которая делает уникальным воплощенный в этих произведениях авторский способ языкового выражения» [2]. Однако существуют и другие варианты определения идиостиля, при этом лингвистический и литературоведческий подходы находятся в полемических отношениях. Так, А. В. Чичерин отмечал, что «категория стиль писателя – не лингвистическая, а литературоведческая категория», потому что понятие стиля подразумевает единство слов, образов, композиции и идей [Цит. по: 4, с. 21-22]. Лингвистическое изучение стиля не может быть, таким образом, полным, так как оно не учитывает «параметр историчности и взаимопроникновения стилей в рамках одной эпохи» [Цит. по: Там же, с. 22-23].

Д. И. Иванов и Д. Л. Лакербай также отмечают, что полноценный выход к уникальности индивидуального стиля через употребление лингвистического понятия «идиостиль» невозможен. Это «связано с самой природой художественного текста, представляющего собой “другое” языка, а не просто литературно обработанный язык». Пути решения проблемы исследователи видят в «метадисциплинарной» рефлексии [1, с. 18].

Термин «идиостиль» является, таким образом, междисциплинарным – он фигурирует в лингвистике, литературоведении, культурологии и до сих пор представляет собой остро дискутируемую проблему.

В литературоведении, по Е. В. Кловак, природа стиля отслеживается в единстве слов и образов произведения, а также «в содержательных доминантах или особом чувстве писателя» [4, с. 36]. Основываясь на данном подходе, при анализе идиостиля представляется целесообразным рассмотреть текстовые средства на разных уровнях языка (фонетика, графика, орфография, пунктуация, морфология, синтаксис, стилистика) и культурные отсылки (особенно характерные для постмодернистского дискурса [7, с. 2]) с целью понять их эстетическую функцию в художественном тексте и значение в раскрытии содержательного замысла автора.

Для анализа текстовых средств мы воспользовались классификацией М. Н. Макеевой и Е. Н. Лучинской. Они называют «актуализированные средства текстообразования, реализованные в конкретном речевом произведении, маркерами» [Цит. по: Там же]. В постмодернистских текстах выделяются следующие группы маркеров (в соответствии с языковым уровнем): стилистические маркеры (тропы); лексико-семантические маркеры (каламбуры, оксюморон, авторские окказионализмы и пр.); фонетические и интонационные маркеры (игры, аллитерации); графические маркеры; лексико-синтаксические маркеры; культурно-значимые маркеры (цитатность, аллюзии, лексические единицы) [Там же, с. 2-7].

В рамках данной статьи на примере рассказа “Hand und Fuss – ein Buch” (дословный перевод «Рука и нога – книга») [8, S. 24-33] мы отметим некоторые маркеры, характерные для постмодернистских прозаических текстов У. Видмера, и попытаемся рассмотреть их значение в художественном содержании текста.

В небольшом произведении, названном “Hand und Fuss – ein Buch”, есть предисловие, 14 глав, отдельно обозначенная «Последняя глава» и послесловие, и это несмотря на то, что всё целиком оно занимает лишь десять страниц карманного издания. Слово «книга» в названии небольшого рассказа иронично предопределяет его структуру: каждая глава, представляющая собой один абзац, озаглавлена соответствующим образом: *Erstes Kapitel*, *Zweites Kapitel* (Первая глава, Вторая глава) и т.д. Выделение курсивом нумерованных мини-глав можно отнести к *графическим маркерам*, подчёркивающим фрагментарность произведения: главы зачастую связаны друг с другом по ассоциативному принципу (слово или фраза, упомянутые в одной части, фигурируют в следующей в ином контексте). Функция фрагментарности, или дискретности, отмечает Е. Н. Лучинская, «заключается в том, чтобы отразить особенность мышления (автора или персонажа) в его нелинейности» [Цит. по: 7, с. 6]. Фрагментарность является *лексико-синтаксическим маркером*.

К *лексико-семантическим* маркерам относятся каламбуры, которые в этом произведении чаще всего связаны с двумя основными лексемами – “Hand und Fuss” (дословный перевод «Рука и нога»), данными в названии. “Hand und Fuss haben” – это идиома, которую можно перевести как «иметь смысл», «иметь толк», а её противоположность, также встречающуюся в тексте – “es hat weder Hand noch Fuß”, – как «не имеет смысла». В дальнейшем слова “Hand” и “Fuss”, а также созвучные им “Hund” (собака) и “Fass” (бочонок) обыгрываются в разных контекстах. Перевод названия представляет собой сложность, как и перевод всего рассказа, содержащего немало каламбуров. По В. Д. Санникову, каламбур – это «тип игры слов, основанный на нарочитой двусмысленности. <...> ...шутка, основанная на объединении в тексте либо разных значений одного и того же слова, либо разных слов, одинаковых или схожих по звучанию» [Цит. по: Там же, с. 3]. Каламбур может разъединять устойчивое словосочетание, заменять какой-либо из его компонентов, вследствие этого текст обретает новые значения, становится комичным. В вышеназванном произведении комическо-ироническая функция каламбура, с нашей точки зрения, превалирует, однако также реализуются структурообразующая, ассоциативная, орнаментальная функции [Там же] – весь рассказ строится на приведённой в названии и варьирующейся в тексте идиоме о наличии смысла (“Hand und Fuss haben”).

Приведём каламбур, основанный на созвучии слов “Hand”, “Hund”, “Mund” (рука, собака, рот), включающий также слово “Schäfer” (пастух), которое используется в сложносоставных словах, характерных для немецкого языка: в выражении “auf ein Schäferstündchen sein” («иметь любовное свидание», восходит к буколической, или «пастушьей» поэзии) и в обозначении породы собаки “Schäferhund” (овчарка):

“*Erstes Kapitel* <...> Einmal, vor ein paar Jahren, war ich auf ein *Schäferstündchen* aus, nicht mit Max, sondern mit der Frau von Max, mit Eva, ich summte also in Evas Ohr, ich küsse Ihre *Hand*, Madame, aber als ich, mit gespitztem *Mündchen*, Evas *Hand* küssen wollte, schob Eva ihren *Mund* hin, ich meine, ihren *Hand* hin, und ich bekam einen *Mund voll Hund*, der ein *Schäfer* war” [8, S. 24].

При дословном переводе теряется звуковая и смысловая составляющая каламбура, что делает работу переводчика затруднительной. Попытка перевести каламбур привела автора к необходимости заменить некоторые компоненты частично созвучными в русском языке словами – «моцион», «мопс», «пёс» – и оставить слова «рука», «рот». При этом не удаётся передать каламбур, связанный со сложносоставным словом (с компонентом “Schäfer”):

«*Первая глава* <...> Однажды, пару лет назад, я совершал *моцион*, не с Максом, а с женой Макса, Евой, и говорил ей на ушко, целую Вашу *руку*, мадам, но когда я, вытянув губы, хотел поцеловать *руку* Евы, Ева отодвинула *рот*, я имею в виду *руку*, и я получил полный *рот пса*, который был *мопсом*».

В рассказе немало фраз, сложносоставных слов и идиом, включающих слово “Hand”, например: “die *Hand* über dem Mund eines neuen Geliebten” (рука, закрывающая рот нового любовника); “er meine *Hand*, ich seine *Hand*” (он моя рука, я его рука); “Abdrucken der Kuppen seiner *Hände*” (отпечаток кончиков пальцев его рук); “*handwarm*” (тёплый); “*Samthandschuhen*” (шёлковые перчатки); “aus erster *Hand*” (из первых рук); “ich nehme mein Herz in beide *Hände*” (я беру себя в руки); “er habe unser Buch unter der *Hand*... verkauft” (он продал нашу книгу из-под полы); “ich rang meine *Hände*” (я заламывал руки); “wir führen *Hand in Hand* Ski” (мы ездили на лыжах рука об руку); “ich habe zwei linke *Hände*” (я «криворукий») и т.д.

Писатель не только собирает идиомы со словом “Hand”, но и обыгрывает их. Приведём трансформацию идиомы, имеющую библейское происхождение: “Ich halte ihm meine linke Wange hin, und er hat seine recht *Hand* drauf, und umgekehrt, und damit die Bibel nicht doch recht hat, verprügeln wir uns danach hemmungslos” [Ibidem, S. 33]. / «Я подставляю ему свою левую щёку, и он бьёт по ней своей правой рукой, и наоборот, и так как Библия не права, мы после этого без всякого стеснения избиваем друг друга».

В другую известную идиому со словом “Hand” добавляется созвучное слово “Hund”, в результате получается забавный каламбур: “Wo eine *Hand* den andern *Hund* wascht, ich meine, ein *Hund* die andre *Hand* leckt”. / «Где одна рука моет другую собаку, я имею в виду собака лижет другую руку».

Выражение “eine *Hand* an ihn legen” (наложить на него руку) является лексически трансформированным фразеологизмом “eine *Hand* an sich legen” (наложить на себя руки), а фраза “unser *Hund* legte sich auf ihn” (наша собака улеглась на него) – игровое переосмысление этой идиомы, вносящее комизм в ситуацию.

Слова “Hand” и “Fuss” как составляющие имён собственных художника Фюссли (Füssli) и композитора Генделя (Händel) участвуют в языковой игре, включающей метонимию – перенос значения сложносоставного слова “Handarbeit” (ручная работа) на слово “Fuß” (“mit den Füßen malen” (нарисовать ногами)). Такой маркер относится к *стилистическим*. В данном каламбуре также возможно использование У. Видмером омонимии фамилии композитора-классика Генделя (Händel) и слова “Händel” (распри, ссора): “...einmal hat der Maler *Füßli* den Komponisten *Händel* getroffen. Na, *Händel*, rief *Füßli*... und wies auf einen Haufen vollgeschriebene Notenblätter... also... *Füßli* sagte zu *Händel*, alles *Handarbeit*? *Händel*... deutete sofort auf ein Bild, daß *Füßli* unter dem Arm trug, und sagte, gewiß, aber das da hast du wohl eher mit den *Füßen* gemalt?” [Ibidem, S. 25]. / «Однажды художник Фюсли встретил композитора Генделя. Ну, Гендель, закричал Фюсли и показал на кучу нотных листов, итак, Фюсли спросил Генделя, всё это ручная работа? Гендель тотчас же показал на картину, которую Фюсли держал под мышкой, и сказал, определённо, а ты вот это нарисовал скорее всего ногами?». К *лексико-синтаксическим маркерам* в данном примере можно отнести отсутствие пунктуационных знаков, выделяющих прямую речь. Оно имеет место и в других приведённых цитатах. *Культурно-значимые маркеры* – имена классиков – также фигурируют в этом отрывке. Включение классиков в языковую игру может рассматриваться здесь как проявление пастишной постмодернистской интертекстуальности.

Многие комические каламбуры в рассказе ритмизируются при помощи рифм. Например, слова “Hund” и “Hand”, “Faß/Fass” и “Fuß/Fuss” ритмизируют следующий комический пассаж, содержащий идиомы “unter allem *Hund*” (никуда не годится) и “*Fuss* fassen” (понять, осилить):

“Also quartierten wir unsern *Hund* in einem *Faß* ein und versteckten uns dahinter, und als Sekunden später der Einbrecher wieder auftauchte, rief Max *Fass*, und der *Hund* kam aus dem *Faß* und hetzte den Einbrecher im Atelier herum, bis ich schrie, *Fuß*, *Hund*, und der *Hund* *Fuss* faßte und wieder im *Faß* verschwand” [Ibidem, S. 29]. / «Итак, мы разместили нашу собаку в бочонке и спрятались позади, и когда секунды спустя снова появился взломщик, Макс закричал фас, и собака вылезла из бочонка и стала преследовать взломщика по всему ателье, пока я не закричал, к ноге собака, и собака всё поняла и снова исчезла в бочонке» (перевод без сохранения ритмизированного каламбура).

Приведённые выше цитаты являются также примерами аллитерации и ассонанса, которые относятся к *фонетическим маркерам*. Они широко представлены в изучаемом тексте.

В следующем примере каламбура идиома, имеющая библейское происхождение, соединяется с разговорной – происходит игровое комбинирование фразеологизмов: “Die Freundschaft der Männer gehet für und für, und wessen *Hand* den ersten Stein auf sie werfet, dem wird sie abfaulen im *Hand* umdrehen” [Ibidem, S. 24, 33]. / «Дружба мужчин продолжается, и чья рука бросит в неё первый камень, у того она отсохнет как по мановению руки». Эта комбинация открывает и закрывает весь рассказ, основной темой которого является мужская дружба. Ситуации, описанные в стиле иронических каламбуров, посвящены различным проявлениям этой дружбы. Метатекстовую идиому “Hand und Fuss” (смысл) и её противоположность “weder Hand noch Fuss” (бессмыслица), встречающуюся в тексте, можно спроецировать на содержание всего рассказа: за языковыми каламбурами, кажущимися бессмысленной игрой, высвечивается осмысленная глубокая дружеская связь двух творческих личностей, увлечённых художественными экспериментами, – писателя-рассказчика Урса Видмера и художника Макса Цаугга. Найденное нами оригинальное издание брошюры с названием “Hand und Fuss”, выпущенное издательством “The Hague: Moon Press” в 1978 году, содержит текст Урса Видмера и рисунки Макса Цаугга. Её существование доказывает, что этот забавный поэтично-художественный эксперимент друзей был реализован как совместный творческий проект. Так выглядит обложка этой брошюры [9]:

Рисунок 1

В рассказе “Hand und Fuss” было выявлено использование следующих характерных для постмодернистской прозы маркеров: лексико-семантических, лексико-синтаксических, графических, фонетических, стилистических, культурно-значимых. При исследовании корпуса прозаических произведений У. Видмера мы отметили наличие идентичных маркеров, прежде всего *графических* – выделения курсивом, жирным шрифтом, сноски (в романах “Im Kongo” («В Конго»), “Liebesbrief für Mary” («Любовное письмо к Мэри»), “Forschungsreise” («Научная экспедиция»), малой прозе: “Gerade jetzt” («Прямо сейчас»), “In Hotels” («В отелях»), “Laut und Luise” («Громко и Луиза») и др.); *лексико-синтаксических* – фрагментация нарратива, нарушения пунктуации, например, отсутствие знаков препинания, меняющая своё местоположение красная строка, нестандартное деление на абзацы, главы, очень длинные предложения и др. (в малой прозе: “An die Freunde” («К друзьям»), “G. Von A bis Z” («Г. От А до Я»), “Grappa und Risotto” («Граппа и ризотто») и др.); *культурно-значимых* маркеров – аллюзии, игровое цитирование мифологем, стереотипов и пр. (“Kongo” («В Конго»), в сборниках малой прозы “Vor uns die Sintflut” («Перед нами потоп»), “Das Normale und die Sehnsucht” («Норма и желание») и мн. др.). Фонетические и интонационные маркеры, как и лексико-семантические, включающие различные каламбуры, иноязычные вкрапления и др., также представлены в прозе писателя. Все эти проявления языковой игры маркируют идиостиль У. Видмера. Данный анализ маркеров осуществлялся в рамках лингвопоэтического подхода и являлся исследованием речевой художественной формы литературных произведений [3].

Литературоведение, в отличие от лингвопоэтики, преимущественно сосредотачивается на композиционных и содержательных особенностях художественного произведения и в значительно меньшей степени рассматривает собственно языковые характеристики текста [5, с. 4]. Следовательно, выявление «внутреннего мира литературного произведения» (термин Д. С. Лихачёва [6]), соотношения художественной формы и содержания произведения происходит, в большей степени, в рамках литературоведческого подхода. Попытка такого рассмотрения содержания была предпринята нами для рассказа “Hand und Fuss”. Таким образом, синтез лингвопоэтического и литературоведческого методов, с нашей точки зрения, способствует более глубокому изучению особенностей идиостиля писателя.

Список источников

1. **Иванов Д. И., Лекарбай Д. Л.** Текст, стиль, идиостиль в лингвистике и литературоведении: замечания к привычному // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4 (70). Ч. 2. С. 18-22.
2. **Идиостиль** [Электронный ресурс] // Электронная энциклопедия. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/IDIOSTIL_INDIVIDUALNI_STIL.html?page=0,5 (дата обращения: 26.03.2018).
3. **Климовская Г. И.** Тонкий мир смыслов художественного (прозаического) текста. Методологический и теоретический очерк лингвопоэтики [Электронный ресурс]. URL: http://thelibrary.ru/books/g_i_klimovskaya/tonkiy_mir_smyslov_hudozhestvennogo_prozaicheskogo_teksta_metodologicheskii_i_teoricheskii_ocherk_lingvopoetiki-read-2.html (дата обращения: 25.03.2018).
4. **Кловак Е. В.** Типичные авторские модели как реализация универсального и индивидуального в идиостиле: дисс. ... к. филол. н. Тверь, 2015. 150 с.
5. **Красникова Л. В.** Лингвопоэтические особенности стихотворных циклов Т. Мура «Ирландские мелодии» и Дж. Г. Байрона «Еврейские мелодии»: дисс. ... к. филол. н. М., 2016. 200 с.
6. **Лихачев Д. С.** Внутренний мир литературного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74-87.
7. **Самарская Т. Б., Поздеева Т. В.** Языковые средства создания идиостиля // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 2 (116). С. 1-10.
8. **Widmer U.** Das Verschwinden der Chinesen im neuen Jahr. Zürich: Diogenes Verlag AG, 1987. 192 S.
9. **Widmer U., Zaugg M.** Hand und Fuss – ein Buch. Hague: Moon Press, 1978. 32 S.

POSTMODERNIST MARKERS OF URS WIDMER'S IDIOSTYLE

Stikhina Irina Aleksandrovna

*Ural State University of Economics, Yekaterinburg
aniris.irina@yandex.ru*

The article reveals the content of the interdisciplinary notion “idiostyle”, which is actively debated in linguistics and literary criticism. Considering Urs Widmer’s idiostyle, the author analyzes the markers typical of postmodernist texts using the example of a single story. Similar markers are revealed in a number of other works of the writer. Attention is also accentuated on the interrelation between the verbal and content features of the work; the latter are discovered by the example of the analyzed story using the literary approach. Synthesis of interrelated linguo-poetic and literary methods is thus presented as an optimal variant in the study of the writer’s idiostyle.

Key words and phrases: idiostyle; Urs Widmer; markers; postmodernist text; linguo-poetics; literary studies.